

дит — не столько в эстетическом, сколько в этическом плане — за пределы собственно романтического взгляда на вещи, ибо сущность романтизма в том и состоит, что романтики не находят себе *здесь и сегодня*, на земле и в обществе, выхода из терзающих их противоречий. Не нашел его и Лермонтов. Отсюда глубокое различие между поэтом, у которого символом «общего» выступает все тот же традиционно-романтический «творец», и критиком, в определенный момент решительно отказывающимся от него, пусть даже как от символа: «... в словах *бог* и *религия* вижу тьму, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре»¹.

Белинский середины 40-х гг. обращается к другой символике. Идеи справедливости, красоты и блага воплощаются для него в революции и социализме. «Я теперь в новой крайности, — пишет критик своему другу Боткину 8 сентября 1841 года, — это идея *социализма*, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию»².

При всей близости настроений поэта и критика нельзя не отметить явное различие в способе выражения этих настроений. И речь здесь идет не только о форме сравниваемых произведений — художественной у Лермонтова, теоретической — у Белинского, но и о способе воплощения ряда идей и понятий, и о самой их сущности. Конкретизируясь у Белинского с помощью исторических и социальных категорий, понятия борьбы и идеала у Лермонтова остаются в сфере отвлеченности и абстракций. И это объясняется не только преградами, которые ставила поэту эпоха — 30-е годы, за грань которых ему не суждено было выйти, — но и его стремлением к предельной широте философских обобщений, его преданностью романтической манере.

Благодаря этой широте и силе обобщения поэма *Демон* воспринимается не только как повесть о трагической судьбе «бунтаря» в условиях определенной эпохи и общества (ср. у Белинского: «наше время», «наш романтизм»), но и как история бунтаря и искателя любой переходной эпохи в жизни человечества.

Вместе с тем, далеко выходя за пределы своей эпохи и общества, лермонтовское произведение несет на себе печать этого общества и этой эпохи — и именно этим определяется его оригинальность, рассматриваемая в данном случае не в плане мастерства, а в плане идейно-эстетического содержания. Наиболее ясно это становится при сопоставлении *Демона* с творчеством величайших представителей европейской литературы первых десятилетий XIX века, Гёте и Байрона.

Сформировавшийся на идеях Просвещения и сам являющийся одним из его крупнейших представителей, немецкий писатель отражает мировоззрение передовых деятелей этой эпохи восходящего развития буржуазии. Оптимистическое звучание шедевра Гёте, его широчайший взгляд, рассматривающий историю человечества в духе постоянного прогресса, объясняется тем, что в этом смысле пронизывающая его произведение идея утверждения

¹ В. Г. Белинский, *Полное собр. соч.*, т. XII, стр. 25.

² Там же, стр. 66.